

Соб. ксерокопия. - 1991. - 20 апр. - с. 6.

Валентин Распутин

Нельзя, но можно?

было комсомола, чья младокоммунистическая и весьма немалая оснащённость была брошена на проведение «революции нравов». Коммунистический союз молодежи решил: что же нам гоняться за социальным призраком, если золотая жила вот она — рядом, стоит лишь сбросить нацепленную дикарями набедренную повязку. Вы знаете уже, что из 25 тысяч видеосалонов, которые опутали страну от Москвы до «медвежьих» и «тюленьих» окраин и где демонстрируют весьма несложного устройства мужество и счастье, почти половина принадлежит комсомолу. Но платные услуги населению, еще недавно обделенному сервисом, на этом не кончатся...

Вы тоже не в резервации для депутатов живете и видите, какого размаха достигло паразитирование на темных человеческих страстях и на тех сторонах жизни, которые прежде подпадали под действие контроля и стыда. И вам, надо полагать, юнцы в подземных переходах показывают листки с предложением (о чем уже говорилось) то свеженьких трупов, то малолетних детей. Скажите, где-нибудь еще, кроме нашего милого Отечества, такое возможно? Или это тоже нуждается всего лишь в регламентировании?..

Многое вы знаете, но воистину нельзя объять необъятное. Во многое мы не хотим или боимся заглядывать. Едва ли кто из вас был приглашен на концерты рок-группы «Коррозия металла», которая взялась помочь Министерству образования и (цитирую слова руководителя) «изменить методу советского образования». Новая метода, как все гениальное, удивительно проста и заключается в призыве «Трахайтесь!», который выкрикивается со сцены, а для наглядности выводится на всех мыслимых и немислимых местах кириллицей и латинью, демонстрируется в такт музыке полуголыми девицами и, конечно, очень легко усваивается многотысячным залом.

Это слово я с великим трудом еще решаюсь произнести. Но вот произнести название фильма, который выпущен недавно Одесской киностудией и стал главным культурным событием сезона, язык не поворачивается. Еще где-нибудь в дремучем лесу — куда ни шло, да и то с опаской и оглядкой: не услышал бы какой приличный зверь. Однако мат настолько по душе создателям фильма, так ввелся в плоть и кровь их интеллектуальных натур и так точно отразил художественную сущность их работы, что без него — ну просто никак. На премьере фильма в Доме кино два месяца назад это слово соединило всех, даже политических противников. С этим словом люди бросались друг другу в объятия, оно витало в воздухе и звучало на мужских и женских устах, да еще под волнующее порхание надутых презервативов...

На фоне такой весьма и весьма печальной действительности, над которой денно и нощно должен раздаваться набат беды, проект постановления, как мне кажется, выглядит таким «мелодичным бубенчиком», который подвешивается на шею домашнему животному, чтобы знать о месте его пребывания. Но ведь «зверь», о котором мы ведем речь, не домашнее животное, а страшный хищник, калечащий тысячи и миллионы судеб. Он уже полностью диктует свою волю, уговорами его едва ли убедить.

Наивные мы люди: как будто Госу-

дарственная экспертная комиссия, которой поручается давать оценку так называемой культурной продукции, сможет провести четкую разделительную черту между полезным и вредным. Четыре месяца работала комиссия по созданию этого проекта, и, насколько я могу судить, главное, о чем ей не удалось договориться и что она свалила на экспертную комиссию, это: что считать в искусстве допустимой эротикой, а что недопустимой порнографией? А будет ли в «товарищах согласие» в экспертной комиссии? Не будет и не может быть, если «товарищи» станут подбираться по принципу представительства от различных культурных течений, чтобы никого не обидеть — ни искусствоведов, ни искусствоведение. Вот и потянет каждый в свою сторону.

Стало быть, требуется не мнение, на которое будет давить «прогрессивная» пресса, а четкие правовые принципы, которые не позволили бы пожимать плечами: мол, нельзя, но можно. Прежде всего нужен закон о кино. Тот произвол бандитизма и бесстыдства, который утвердился сегодня в кино, постановлением не усмиришь...

Мы любим ссылаться на зарубежный опыт. Сошлось и я. Во Франции (и не только во Франции) по закону доля иностранных фильмов должна быть меньше доли отечественных. Почти всюду отечественное кино находится в льготных условиях, и лишь у нас оно полностью брошено на произвол судьбы. Прокатчики приличные фильмы без голых девиц и без насилия не берут. Режиссеры, чуя конъюнктуру, поставляют то, что от них требуют, а у зрителя почти не остается возможности выбора...

Здесь Б. И. Олейник говорил уже о творческих союзах. Думаю, что нужен закон также и о них: или в составе закона о культуре, которого давно добивается министр культуры, или отдельно, но такой закон все-таки нужен. В государстве, которое в рыночных условиях отказывается покровительствовать искусствам, республики растеряют последние нравственные и духовные ценности и обрекут себя на одичание. Те льготы, которые были даны предприятиям, творческим союзам всего-то на несколько месяцев, оказались тут же перечеркнутыми решением правительства вручить судьбу утопающих самим утопающим, то есть изыскивать компенсацию подскокивших цен внутри союзов. А как ее там можно изыскать? Союз композиторов уже сегодня готов объявить себя банкротом, Союз писателей продержится год-полтора, а дальше — опять идти на поклон к пиратам, которые за свои деньги станут заказывать свою «музыку»? И здесь точно придется иметь дело с экспертной комиссией. Но она через полгода утонет в этом бескрайнем и вязком болоте! Да и как, представим только, справиться экспертной комиссии с тем объемом оценочной работы, которая навалится на нее со всех концов огромной страны.

Конечно, это непопулярные речи, и нынче нужна известная смелость, чтобы произносить их, но если уж мы решаемся на «драконовские» экономические меры, то без нравственной цензуры в нынешних условиях всеобщего разрушения нравственности, думаю, не обойтись. Действие любого другого контроля сомнительно. В цивилизованных странах соответствующий закон есть, считают, неплохо было бы подумать о нем и у нас.

ПРОСИТЬ слово меня подтолкнуло вчерашнее выступление министра культуры, под руководством которого выработывался проект документа, который представлен теперь на ваш суд. Нельзя, но можно — таков краткий смысл его выступления. Конечно, ничего хорошего, но жить и мириться, особенно с известным регламентированием, можно. «Баловались» запретным плодом и Гомер, и Вергилий, и Шекспир, и другие великие. Без эротики искусство давно бы заглохло и засохло, а от того, что Раскольников убивает топором старуху-процентщицу, насилия в мире больше не стало. И многочисленными убийствами у Агаты Кристи тоже не доказано, что среди нас есть потерпевшие.

Аргументация по меньшей мере неловкая. Приходится напомнить, что роман Достоевского называется «Преступление и наказание» и посвящен вечным и страшным мукам человеческой души, бесконечному наказанию за один только миг преступления. То, что творится у нас и чему посвящен документ, — пытаются пребывать в вечном преступном блаженстве не только без мук, но даже и без страха перед наказанием. И вспоминать в данном случае великих — значит призывать их в лжесвидетели, будто порок не хуже добродетели.

Где угодно позволяют попутать божий дар с яичницей, но не в искусстве. Венера Милосская — это, будем надеяться, все-таки не Трейси Адамс, одна из американских порнозвезд по кличке «гремучая змея», которая приезжала недавно в Москву, чтобы натаскивать своему ремеслу советских избранниц и сняться в порнофильме на фоне Кремля. Точно так же Эрмитаж — это, будем думать, не застывший в полотнах и камне бордель.

Очень хотелось бы, чтобы перед тем, как обсуждать текст постановления, вы еще раз прошли по тем местам, где распинают нравственность. Почти все они имеют отношение к тому разряду заведений, которые именуются очагами культуры. Не мне быть вашим проводником, каждому из нас есть что показать и рассказать. Но с полной ответственностью за свои слова берусь утверждать, что подобного никогда и нигде не было и не могло быть. Мы превзошли в самоотверженности падения всех. Древний Рим шел к своему разложению веками — мы шлепнулись одним махом.

Правда, в Древнем Риме не было кино и телевидения, к тому же там не